МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

РОССИЯ, ЗАПАД И ВОСТОК: ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Материалы Первой Международной молодежной научно-практической конференции

28–29 апреля 2014 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2014

ного опыта, в котором различные типы его адаптивного поведения проявляются не как слепое подчинение внешним требованиям, а как выбор оптимального поведенческого решения, предполагающего непрерывное профессиональное саморазвитие [6, с. 159].

Литература

1. *Буре Н.А., Быстрых М.В., Вишнякова С.А. и др.* Основы научной речи: учеб. пособие для студ. нефилол. высш. учеб. заведений / под ред. В.В. Химика, Л.Б. Волковой. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2003. 272 с.
2. *Морозов В.Э.* Культура письменной научной речи. М., 2007. 102 с.
3. Русский язык и культура речи / под ред. В.И. Максимова. М.: Гардарики, 2001. 43 с.
4. *Анисимова Г.В.* Риторика: учеб. пособие. Владивосток: ТИДОТ ДВГУ, 2004. 73 с.
5. *Балли Ш.* Французская стилистика / пер. с фр. яз. К.А. Долинина; под ред. Е.Г. Эткинда; вступ. ст. Р.А. Будагова. М.: Изд-во ин. лит., 1961. 394 с.
6. *Митина Л.М.* Профессиональная социализация личности / Л.М. Митина, Р.Л. Кричевский // Проблемы профессиональной социализации личности / под ред. Л.М. Митиной. Кемерово, 1996. 159 с.
7. Diplomarbeit. Eigennamen als Komponenten von Phraseologismen http://www.twirpx.com/file/825571/?rand=7277597 (дата обращения: 29.11.12).
8. *Шеченка Т.* Magisterarbeit. Die Besonderheiten der Übersetzung von Metaphern in den Märchen von Brüdern Grimm http://www.twirpx.com/file/587326/ (дата обращения: 29.11.12).
9. *Mironenko M.* Diplomarbeit. Das Epitheton als Mittel der Charakteristik des inneren Zustands des Helden (am Material des Romans Das Parfum von Patrick Züskind) http://www.twirpx.com/file/832735/ (дата обращения: 29.11.12).

ОБРАЗ ВРАГА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ФРАНЦИИ
THE IMAGE OF THE ENEMY IN THE FRENCH MEDIEVAL LITTERATURE

Д.С. Зайцева, А.С. Шадрина
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University

Рассматривается образ врага в средневековом французском эпосе. Образ врага-язычника неоднозначен и занимает особое место во французской литературе.

В средневековой литературе Франции уделяется особое внимание изучению человеческой природы, ее достоинств и недостатков. Образы, мотивы и сопровождающие их ценности, которые входят в эпос, формируются в народной культуре в самое раннее время. С одной стороны, это эпический герой, который является воплощением социального и духовного идеала человека, а также носителем коллективных ценностей породившей его культуры, таких как честь, доблесть и достоинство. С другой стороны, традиционный образ врага – антипод эпического героя, воплощающий в себе хитрость, коварство и подлость.

«За словом «враг» в разных языках и культурах скрываются разные значения. В индоевропейских языках слово «враг» зачастую означает «недруг». В латыни inimicus – это частный, персональный враг (в отличие от hostis – общего врага, соответствующего нашему «неприятелю»), причем под этим самым персональным врагом человека нередко понимается дьявол. Второе значение врага – это «чужой», «чужестранец». Вначале обозначение чужого не несло в себе негатива. Во французском языке из латинского hostis произошли не только слово hostile – враждебный, но и слово hôte – гость. Что касается слова «гость», этимологически оно означает иностранного купца. Ни в одном языке, кроме латыни, у этого слова нет значения «враг». Третье значение слова «враг» – это тот, кого ненавидят (здесь примером может служить немецкое слово Feind – двусмысленное причастие, которое означает и того, кто ненавидит, и того, кто является предметом ненависти). В-четвертых, враг – это тот, кто выключен из клана (русский «изверг»). В-пятых, враг – это злоумышленник (персидский «душман»). В-шестых, враг – это “другой”» [7].

В данной статье мы ставим целью проанализировать образ врага в средневековой французской литературе. Материалом исследования служит такой жанр средневековой литературы, как эпическая поэма. Следует отметить, что под словом «враг» мы будем понимать противника, а именно противника, господствующего на территории Франции племени франков.

Эпическая поэма – это героическое повествование о прошлом в стихах, содержащее целостную картину народной жизни и представляющее в гармоническом единстве некий эпический мир героев [1, с. 307].

Во всех эпических поэмах сталкиваются две непримиримые конфессии – христианская и мусульманская. Противостояние религиозных представлений, отображенных во французском эпосе, проявляется многократно. Особое место в эпических поэмах отводится религии язычников. В старофранцузском языке лексемой païen обозначали любой народ, не принявший христианство. Враги-язычники изображены в эпических поэмах по-разному; иногда в одной и той же поэме эти персонажи отчетливо дифференцированы. Наиболее ярко это отображено в таких поэмах, как «Песнь о Роланде», «Песнь об Аспремонте», «Смерть Эмери Нарбоннского» и «Песнь о Гильоме». Они и послужат для нас объектом изучения.

При анализе исследуемого материала выделяется несколько основных типов врага-язычника.

В «Песни о Роланде» враги представлены в лице Марсилия – царя Сарагосы, его советника Бланкандрена, воина Балиганта. Бланкандрен и Марсилий коварны, готовы любой ценой добиться политического успеха. Короля Марсилия, с точки зрения эпического сознания, ожидает позорный конец. В бою франкский рыцарь Роланд отсекает ему кисть правой руки, и Марсилий бежит с поля битвы:

(1) Li reis Marsilies s'en fuit en Sarraguce,
Suz un'olive est descendut en l'ombre;
S'espee rent e sun elme e sa bronie,
Sur la verte berbe mult laidement se culcet.
La destre main ad perdue trestute,
Del sanc qu'en ist se pasmet et angoisset (Ch. de Rol., 2570–2575)

(«Король Марсилий спасается бегством в Сарагосу, в тени под оливковым деревом снимает свой меч, свой шлем и свою кольчугу, на зеленую траву очень некрасиво ложится, свою правую кисть потерял всю, от истекающей крови теряет сознание и мучается») [2, с. 58].

В примере 1 враг представлен как трус, который сбегает. Кроме того, с помощью выбора языковых средств он представлен не в лучшем виде: «на траву очень некрасиво ложится».

Такому типу неприятеля-язычника часто приписывается нарочито отталкивающая и даже фантастически страшная внешность.

Далее перед нами предстает следующий образ врага – славный воин, такой, как адмирал Балигант, ставший во главе войска для решительного боя с французами. Его портрет в поэме сопоставим с портретом Карла Великого:

(2) «Li amiralz mult par est riches hoem (Ch. de Rol., 3265)
(Адмирал – очень знатный человек»).

(3) Li amiralz est mult de grant saveir (Ch. de Rol., 3279)
(«Адмирал очень мудр») [Там же, с. 59].

В примерах 2 и 3 враг представлен благородным человеком, достойным соперником, сильным и храбрым воином. Сражаться с таким врагом Карлу не постыдно, а победить его – почетно.

Сходное понимание образа врага имеет место в следующей поэме – «Песнь об Аспремонте».

(4) Mais Agolans, mes sire, nori m'a
Et chevalier me fist et corona.
S'or li faloie ne aloie dela
C'esteroit mals; ja mes cuers nel fera (Aspr., 2735–2738)

(«Но Аголант, мой господин, меня взрастил и сделал меня рыцарем и увенчал. Если бы я сейчас ему изменил и туда пошел бы, это было бы плохо; никогда мое сердце этого не допустит») [Там же, с. 62].

В примере 4 оцениваются по заслугам чувство чести язычников, их сила, храбрость и стремление к справедливости. Особенно детально разработан образ язычника Баланта. «Этот герой не только смел и силен, он честен, душевно благороден. Он верен своему сюзерену. Балант сочувственно относится к христианству и в конце концов принимает эту религию, но происходит это только после гибели своего короля», – пишет М.К. Сабанеева [Там же].

Помимо Баланта, в рассмотренных поэмах есть еще несколько сарацинов, отступивших от веры предков.

Например, в «Смерти Эмери Нарбоннского» это Аукэр. После того как французы разбили его войско, а сам он попал в плен, он готов немедленно принять христианство, поскольку, по его словам, вера в Магомета ему не помогла, – столь прагматическое отношение к религии в эпических поэмах приписывается только иноверцам. Стремительно обратившись в христианство и став крестником Эмери, Аукер становится верным помощником своего крестного отца и яростно сражается против своих недавних соотечественников и единоверцев.

Наконец, рассмотрим «Песнь о Гильоме». Здесь враг в очередной раз предстает перед нами не как чисто отрицательный персонаж, а как обладатель сильной воли. Это Гишар, молодой воин – племянник Гибур, принявший христианство и посвященный в рыцари Гильомом. Раненный в бою, он отвергает помощь Гильома, просит только глоток вина или хотя бы мутной воды; он заявляет, что если он сможет подняться, отправится в Кордову, где родился, и никогда больше не будет на стороне французов:

(5) «Si jo eüsse Mahomet mercië

Ja ne veïsse les plaies des costez» (Ch. G., 1196–1200)

(«Если я взывал к Магомету, никогда бы не увидел у себя ран в боках») [Там же, с. 65].

В примере 5 видно, что однажды отрекшись от своей веры, перед смертью Гишар осознает, что совершил непоправимую ошибку, которая стоила ему жизни. Он укоряет себя за вероотступничество, но не просит помощи и стойко принимает смерть. Однако поведение Гишара не типично для новообращенных персонажей французского эпоса. Он представляет собой образ врага, отличный от традиционного представления.

Согласно М.К. Сабанеевой, отношение французов к язычникам, несмотря на это, остается враждебным. В текстах можно встретить бранные выражения в их адрес [Там же]. Необходимо отметить, что часто религиозные верования противника, так отличающиеся от христианских, не принимаются во внимание при описании его человеческих качеств, его воинских заслуг. Говорить об абсолютном равенстве героя и врага в эпических поэмах нельзя, ведь эти произведения воспевают в первую очередь подвиги рыцарей и королей. В них излагается история своего государства – великого и непобедимого. Но многогранность образа врага, на наш взгляд, является свидетельством его важной роли в средневековой литературе Франции. Не только с точки зрения идейного смысла поэмы, но и в качестве части системы нравственных ценностей той эпохи.

Итак, образ врага является неотъемлемой составляющей старофранцузского эпического текста. Он занимает важное место в эпической поэме наряду с образом эпического героя. Однако, в отличие от образа героя, он неоднозначен. Враг может предстать перед читателем не только в своем худшем воплощении, но и в качестве носителя культурных ценностей, которые могут быть отличными от ценностей христиан, но тем не менее достойными уважения и восхищения. И образ героя, и образ врага являются воплощением культурных, моральных и этических идеалов того времени.

Литература

1. *Михайлов А.Д.* Французский героический эпос. Вопросы поэтики и стилистики. М.: Наследие, 1995. 360 с.

2. *Сабанеева М.К.* Художественный язык французского эпоса. Опыт филологического синтеза. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 296 с.

3. *Штейн А.П., Черневич М.Н., Яхонтова М.А.* История французской литературы. М.: Просвещение, 1988. 334 с.

4. La chanson d'Aspremont. T. 1. Paris, 1923.

5. La chanson de Roland / Publiée d'après le manuscrit d'Oxford. Bucuresti, 1974.

6. La chanson de Guillaume / Wathelet-Wilem J. Recherches sur la Chanson de Guillaume : Etudes accompagnées d'une édition. T. 2. Paris, 1975.

7. http://www.nlobooks.ru/ [Электронный ресурс].

КАЛЛИГРАФИЯ КАК ВИД ИСКУССТВА
CALLIGRAPHY AS AN ART FORM

Ж.К. Кашкумбаева
Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University

Рассматривается каллиграфия как вид искусства.

Китай – таинственная страна, которая издревле вызывала к себе интерес. Китайский язык во многом отличается от других западноевропейских языков. Примером этому может служить китайская письменность, называемая иероглификой и являющаяся древнейшим достоянием человечества, которое сохранилось и используется в наши дни. Китайские иероглифы могут быть разделены на шесть основных категорий (лю шу):

1) изобразительная категория (сянсин) – прямое изображения объекта;